

После того, как были составлены ближайшие планы на закат, мы разошлись: Грифон и Элисса отправились обратно на разрушенные жилые улицы, а мы с Джейсоном – в Бушующее Небо.

В основном Джейсон молчал. Время от времени он задавал мне вопросы, на которые у меня не было желания отвечать, и поэтому я не стал. Вопросы о демонах Карфагена, о походах против них и о моей роли в этих походах. Я дал им обоим столько правды, сколько мог. В конце концов, он принял моё молчание за то, чем оно было и погрузился в одинокое созерцание.

Мы беспрепятственно прошли через ворота Культа Бушующего Неба. Джейсон обменялся любезностями со стражниками, одетыми в бронзовые пластины, которые прилегали к ним как вторая кожа, а мускулатура была вырезана в самом металле. Их глаза с любопытством следили за мной, но они не сделали никаких замечаний.

Мы поднимались по высеченным в камне ступеням на второй уровень, где находились покои уважаемых посвящённых и будущих соперников, когда Джейсон наконец задал вопрос, который хотел задать всё это время.

— Эти демоны... Они что-то забрали у тебя, не так ли? Лично.

Я закрыл глаза и тихо вздохнул.

— Это имело бы значение, если бы они это сделали?

— Конечно, имело бы! — сказал он с негодованием.

— Почему?

— Почему? Почему? Потому что есть разница между тем, чтобы поступать правильно ради того, чтобы поступить правильно, и тем, чтобы поступать правильно только тогда, когда этого требует твоё сердце. То, что ты задумываешь сделать здесь и сейчас, сделал бы ты это, если бы не были затронуты твои собственные чувства? Это правильная вещь, чтобы сделать, или это правильная вещь для тебя, чтобы сделать?

Правильно ли я поступаю и по правильным ли причинам? Был ли мой гнев направлен на правильные вещи, в правильное время, в правильной степени? Я не знаю. Но от ответа на этот вопрос могла зависеть жизнь Джейсона.

— Они забрали мой город, — наконец сказал я. — Они забрали мою жену.

Я сказал Анастасии. Как я мог не сказать ему?

Джейсон резко выдохнул. Над нашими головами завывала Буря, Которая Никогда Не Прекращается.

— Я пришёл сюда, чтобы участвовать в Играх, я не лгал об этом, — сказал он. Я кивнул, принимая это. — Но слава вторична. Политическое влияние, деньги – это всё хорошо, конечно. Но я здесь не для этого. Это не то, почему я должен победить.

Я остановился, поняв, что он отстал на три ступени. Он прислонился к каменному склону горы, глядя на бурю. Я узнал взгляд в его глазах.

— Должен? — повторил я. Он кивнул.

— Я родом с Побережья, Солус. Моряк по природе. Это то, что движет мной, то, что всегда двигало мной, с тех пор как я был мальчишкой, не умевшим даже завязать правильный узел. Это то, почему я смог так быстро подняться по рангам культивации. Я был рождён для моря.

— Так почему же...

— Почему я здесь? На этой горе, ближе к небу, чем к приливу? — с горечью спросил он. Из складок своей бледной жёлто-голубой туники он достал верёвку и стал завязывать её в узлы.

Рим никогда не был морским государством, и я не удосужился изучить больше, чем основы морского искусства. Наблюдая за тем, как ловко пальцы Джейсона за минуту завязывают десяток различных узлов, каждый из которых сложнее предыдущего, я поражаюсь рассеянности этих движений. Я застёгивал мои доспехи точно так же. С уверенностью, созданной тысячами повторений. Бездумно.

Его руки дрожали.

— Когда мне исполнилось двадцать лет, я был капитаном Софического Царства, капитаном собственного корабля, и я решил отправиться на юг дальше, чем когда-либо прежде. Вопреки предупреждениям моего отца. Вопреки искренним пожеланиям моей матери. Я был молод, силен и стоял на пороге царства легенд и мифов. С каждым днём жажда приключений звала меня всё громче, чем раньше. Так почему бы не поддаться ей? В открытом море я был неуязвим, рядом со мной были мои заклятые братья и сестры.

Я протянул руку и осторожно взял верёвку из его рук. Это был испорченный клубок узлов и запутанных нитей. Джейсон прижал дрожащие руки к своему лбу, его глаза были отрешёнными. В них мерцали голубые, как океан, огоньки.

— Монстры в обличье человека, — сказал он с таким же нежеланием, что и я. — Демонические культиваторы. Мы так и не нашли тот далёкий берег. Но что-то нашло нас.

— Возможно, Грифон прав. Ещё несколько лет назад я был бы первым, кто согласился бы с ним. Все величайшие герои мира всегда были и остаются дерзкими душами. Это неоспоримо.

— Его челюсть сжалась. — Но это не значит, что каждый дерзкий человек становится великим героем.

— Когда-то я был дерзким, — тихо признался он и ещё тише обратился ко мне с мольбой. — Вот почему я здесь. Эти волны утопили меня. Я ищу Олимпийский огонь, потому что это единственное, что, как я знаю, никогда не перестанет гореть, никогда не погаснет... И я лучше умру, чем снова отправлюсь в плавание.

— Тогда умри.

Пылающие голубые глаза встретились с моими, слишком потрясённые, чтобы быть оскорблёнными. Так вот как это выглядело со стороны. Как жалко.

— Они забрали твою команду, — сказал я. Заявил об этом, потому что я уже понял что произошло. — Они забрали твоих самых близких друзей, и они должны были забрать тебя. Но они этого не сделали. И ты вознёсся, даже так.

Джейсон уставился на меня.

— Небеса никогда не бывают справедливыми, — яростно повторил я слова моего первого наставника. — Справедливость — это удел смертных. То, что случилось с твоей командой, было ли это справедливо? Разве они заслужили то, что с ними сделали?

Ярость, охватившая его при одном только предположении этого, была достаточным ответом.

— Заслуживают ли они справедливости? — Я нажал. Наблюдая, как эта ярость обращается внутрь, на самого себя. Такое знакомое отвращение. Как, блять, жалко. — Заслуживают ли они того, чтобы гнить на дне бессердечного моря, забытые и неотомщённые?

— Нет.

— "Нет" чему? Справедливости или забвению?

Джейсон ударил сжатым кулаком по горе позади себя, и аметистовые прожилки драгоценных камней, проходящие по её каменному лицу, на мгновение вспыхнули ярким солнечным светом, а затем потускнели до своего обычного блеска.

— Нет! Они не заслужили того, к чему я их привёл! Они не заслужили того, что случилось с ними, того, что должно было случиться со мной. Капитан должен идти ко дну вместе с его кораблём!

Капитан ведёт с фронта, я сказал ему голосом моей души, и его глаза широко раскрылись.

— Ты...

— Мы те, кто мы есть, — сказал я ему, и с каждым словом моя собственная решимость становилась всё твёрже. Некоторые вещи были просто слишком болезненны, чтобы принять их, если только они не смотрят тебе прямо в лицо, и некоторые из них не были видны в отражении зеркала. Их можно было увидеть только в других. — То, чего мы хотим, не имеет значения. То, чего мы боимся, имеет ещё меньше. Пока мы не сожжём наших врагов в пепел и не засолим то, что осталось, как мы можем сделать что-то, кроме как продолжать двигаться вперёд?

— Ты... — снова заговорил он, — ты совсем не похож на Грифона, не так ли?

Я невесело улыбнулся: «Грифон стремится к высотам, потому что это то, чего он всегда желал. Я стремлюсь к ним, потому что у меня нет другого пути».

Джейсон... фыркнул. Он покачал головой и захихикал. Это был мрачный, безнадежный звук, но его рука, прикрывавшая лицо, больше не дрожала: «Конечно. Конечно. Герои гонятся за своими страстями, пока у них ничего не останется. Но люди вроде тебя...»

Герой Побережья выпрямился и хлопнул в ладоши, звук был оглушающим. Выражение его лица стало свирепым: «Тогда ладно! Я понимаю! До тех пор, пока у тебя есть я, и пока я не встречу конец моей истории, я буду стоять с тобой против ночи. Этот скромный софист приносит приветствия мастеру».

Я уставился на легендарного Героя и бывшего пиратского капитана.

— Я не знаю, что ты сделал прошлой ночью, но я знаю, что эти старики не послали бы за мной только одну Ворбону, особенно такую слабую, — пояснил он, почтительно склонив голову. — Включая ночь похорон, я теперь дважды обязан тебе жизнью. А теперь, я ещё обязан тебе и моим сердцем за то, что ты показал мне, что я не одинок. Что даже люди вроде тебя, могут страдать от последствий гордыни. Поэтому я отплачу тебе всем, чем смогу. Пока весы не будут уравновешены, и до тех пор, пока я буду тебе нужен, я буду преданно стоять рядом с тобой.

Негромкие аплодисменты одинокого зрителя избавили меня от необходимости отвечать на это. Я оглянулся на горную тропу и увидел знакомое лицо, манящие черты и горящие зелёные глаза. Анастасия хитро улыбалась, поднимаясь по ступенькам за нами, и хлопала в ладоши.

— Такому моменту место на сцене, — сказала она, когда подошла достаточно близко, чтобы начать дразнить, с весельем в глазах. — Интересно, будет ли Грифон ревновать? Мне он не показался тем, кто любит делиться.

— Доброе утро, Анастасия, — вздохнул я. — Джейсон...

Обернувшись, я увидел, что он бежит по ступенькам, уже наполовину поднявшись на гору. Преданно стоять рядом со мной, а?

— Временами я произвожу такой эффект, — без сожалений признала Анастасия.

Я закатил глаза и жестом пригласил её идти со мной: «У тебя есть что-нибудь для меня?» — тихо спросил я под раскаты грома.

— Думаю, что да, — засомневалась она, доставая свой дротик и вертя его на ходу. — Но в обмен я хочу знать правду.

Я молча смотрел на неё и на её вертящийся дротик. В её глазах плясали огоньки.

— Ты ведь охотился, не так ли, Солус?

— Да.

— И ты ни разу не пригласил меня, — сказала она с абсолютным отчаянием. — После всего, что мы пережили, и всего, что я сделала для тебя после той нежной ванны, которую мы разделили...

Моё влияние щёлкнуло о её, и она резко хихикнула.

— Это не игра, — упрекнул я, как будто я был её старшим хоть в чём-то.

— Конечно, нет. — Её улыбка стала шире. — Но я всё равно хочу поиграть.

В то время как Ворбоны свободно летали по Культуре Бушующего Неба в поисках голодных Воронов, пожиравших их собратьев, четыре Героических культиватора были похищены из-под их простыней. Каждый из них сопротивлялся, но лишь на мгновение.

Все они знали, что их ожидает, но они всё равно были нервными.

— Ты сказал, что охотишься на Ворон, — тихо и обвиняюще произнесла Элисса, стоя на коленях рядом со своими сверстниками в свете луны. Она недоверчиво наблюдала, как Ворон справа ходит вокруг них, распутывая катушки железных нитей на их запястьях и стягивая с их голов тёмные капюшоны.

— И мы охотимся, — проговорил Ворон слева. Его голос далёкий и тревожный.

— Выставили меня дураком, — пробормотал Кайно, потирая запястья. — Если оно выглядит как Ворона и говорит как Ворона...

— Это Ворон.

— А вам идёт, — размышляла Анастасия, наклонив голову рассматривая обоих Воронов. Горящие зелёные глаза проследили за багровыми линиями татуировок на обнажённой груди тени и за жутковатым волнистым плащом его партнёра. — Совсем не соответствует правильной униформе Ворон. Мне нравится.

— Ну так, ты провёл нас сквозь песни и танцы, — пробормотал Джейсон, отстраняясь от Анастасии, когда его капюшон был снят. — Что дальше? Собираешься провести нас через обряды?

— Что-то вроде того.

При этих словах каждый из голодных Воронов потянулся в свою тень. Четыре Героических культиватора смотрели, широко раскрыв глаза, как их руки погружаются в эфир и извлекают оттуда туники и капюшоны из полуночной ткани, и оружие из полированной бронзы.

— Я и не знал, что Вороны так могут, — прошептал Джейсон.

Кайно нахмурился: «Потому, что они не могут».

Героини потянулись к оружию, протянутому мутными руками панкратиона, и Герои поспешили последовать их примеру. Под светом восходящей луны собрались четыре Героических культиватора и два голодных Ворона. Вдалеке прокричал орёл.

— После вас, — пригласила едкая Ворона.

Охота началась.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3372694>